

«Живая душа традиции». Всероссийская научная конференция памяти А. В. Кулагиной

18 ноября 2019 г. на филологическом факультете Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова прошли научные чтения, посвященные памяти замечательного фольклориста Аллы Васильевны Кулагиной (27.01.1938–20.10.2009), многие годы плодотворно трудившейся на кафедре русского устного народного творчества.

Конференция, объединившая известных исследователей и молодых ученых из Москвы, Санкт-Петербурга, Саранска и Сыктывкара, начала работу в рамках секции «Актуальные проблемы полевой фольклористики».

В главном докладе «А. В. Кулагина как фольклорист-полевик» В. А. Ковпик подробно охарактеризовал ее деятельность в качестве многолетнего организатора научных экспедиций и студенческих практик кафедры русского устного народного творчества МГУ им. М. В. Ломоносова. Имея собственные взгляды на аксиологию фольклорных жанров и нередко критические представления о культурной ценности тех или иных феноменов живой народной традиции, А. В. Кулагина в процессе полевой записи не ставила искусственных ограничений для фиксации материала, включая в коллекции письменные автобиографии и дневники, фото- и видеосъемки современных свадеб и гадательных практик задолго до «антропологического поворота» рубежа двух столетий. Докладчик подчеркнул тот факт, что неутомимая энергия и увлеченность Аллы Васильевны постоянно подпитывались импульсами от общения

с замечательными народными исполнителями, творческий облик которых исследовательница стремилась максимально полно представить научной аудитории в многочисленных публикациях в локальных и общероссийских печатных изданиях, а также в выступлениях на радио и телевидении.

Аспирант кафедры фольклора МГУ Ю. Э. Мавродий посвятила свое сообщение «О сотворчестве личности собирателя с личностью информанта» анализу полевого опыта и экспедиционных методик П. Т. Тимофеева, позволявших исследователю эффективно строить коммуникацию как с заинтересованным, так и с отчужденным информантом, последовательно обнаруживая в бытовом общении искомое «поэтическое народное слово».

А. А. Иванова в докладе «К вопросу о вариативности несказочной прозы, или Об эвристическом потенциале повторных фиксаций фольклорного идиолекта» выдвинула на первый план вопрос о роли изучения индивидуальных меморативных и нарративных практик в общем русле полевых исследований фольклорной прозы. В формате синоптических таблиц одного мифологического сюжета (об обдерихе) докладчиком было продемонстрировано, что представление о «текучести» повествовательной структуры жанров несказочной прозы может быть серьезно скорректировано посредством многократных повторных фиксаций вариантов с большим временным интервалом (от года до 20 лет).

Е. А. Самоделова в докладе «Экспериментальный способ изучения

многомерной поэтики сказок с помощью полевых аудиовизуальных записей» на материале комплексной фольклорно-этнографической экспедиции в Липецкую область начала 2010-х гг. рассмотрела две стороны одной исследовательской проблемы: факторы консервации vs стимулы к активному бытованию сказочных текстов в условиях современной аудиовизуальной культуры. Анализ стилевой вариативности повествования в зависимости от разных ситуаций исполнения проводился в полевых условиях методом двойной фиксации: на цифровой диктофон и на видео.

В стендовом докладе Н. С. Коровиной «Творческое наследие сказочника И. И. Игушева из Удорского района Республики Коми» было продолжено обсуждение одной из дискуссионных тем конференции: значение многократных фиксаций репертуара фольклорных исполнителей при решении задач описания идиолекта информанта. Творчество талантливого сказочника из д. Муфтыга было открыто Ф. В. Плесовским, записавшим в 1960 г. от И. И. Игушева (1921–1994) первые восемь сказок. Более десяти сказок записано от удорского сказочника в 1977 г. в ходе совместной экспедиции студентов Московского и Сыктывкарского университетов (руководитель вашкинской группы А. В. Кулагина). Во время неоднократных поездок автора доклада основной репертуар сказочника был записан повторно, включая традиционные волшебные сказки («Царь-Волк», «Кудряш», «Венька»), лубочные сюжеты о Бове-королевиче и Еруслане Лазаревиче, прозаические пересказы былин и шуточные, балагурные сказки. Большие по размеру сказочные произведения сказочник создает, оригинально разрабатывая известные сюжеты и контаминируя их с малоизвестными вариантами.

Оживленную дискуссию вызвал доклад О. В. Беловой «Частушки о гибели самолета “Максим Горький” из фонда Р-455 Государственного архива Смоленской области». В составе неатрибутированной подборки частушек (1326 текстов), особо выделяется цикл из семи текстов, посвященный гибели самолета «Максим Горький» и записанный по свежим следам трагедии (крушение произошло в небе над Москвой 18 мая 1935 г.). В частушках ярко

выражены «плачевые» мотивы в сочетании с газетными лозунгами и клише советского агитационного дискурса. Близкими аналогами к данной тематической подборке выступают псевдофольклорные «причитания» 1937–1938 гг. о погибших экипажах советских самолетов и дирижаблей. Целый ряд вопросов вызвала выдвинутая докладчиком гипотеза о личности составителя анализируемого цикла и частушечного собрания в целом — образованного смоленского корреспондента и краеведа, выпускника Смоленского пединститута Ф. И. Царева.

Дневное заседание конференции объединило выступления, посвященные категориям лингвистического и поэтического анализа фольклорного текста.

В. А. Черванева, рассуждая в докладе «Мифологический реморат как личная форма фольклорного текста: к вопросу о принципах классификации устной прозы» о проблемах систематизации устной несказочной прозы, пришла к выводу, что существующая в научном обиходе жанровая терминология (былички, бывальщины, легенды, предания) не покрывает всего многообразия текстов, бытующих в традиции, и недостаточно четко определяет границы обозначаемых понятий. Сюжетно-тематический и персонажный критерии классификации оказываются адекватными для фабулатов (сюжетно оформленных нарративов, отделенных от ситуации произнесения), но явно недостаточными для меморатов, существующих в контексте ситуации спонтанного повседневного речевого общения. Присутствующий в меморатах, наряду с потусторонним персонажем, человек (протагонист и одновременно рассказчик) проявляет себя в тексте на всех уровнях: как субъект речи, сознания, восприятия, дейксиса.

В докладе «Народный анекдот в структуре автобиографического нарратива» С. В. Алпатов выявил в составе устных воспоминаний помощника пресвитера молканской общины с. Ивановка (Республика Азербайджан) о детстве, армейской службе, женитьбе, работе в колхозе и приходе в религиозную общину традиционные сюжеты анекдотов СУС 1825В *Безграмотный поп* + СУС 1199В *Долгая песня*; СУС 1365J *Упрямый муж* + СУС 1366А *Кто в семье главный*. Проанализированные комические

интерполяции выполняют в структуре автобиографического нарратива не только экспрессивно-эстетическую функцию воздействия на слушателя, но и служат средством этноконфессиональной самоидентификации рассказчика, а также способом герменевтической интерпретации неоднозначных в духовно-нравственном и психологическом отношении жизненных коллизий.

Т. В. Хлыбова в докладе «Чудесное в волшебной сказке и духовном стихе» избрала объектом исследования жанры, связанные, несмотря на очевидные функциональные отличия, общим содержанием — выражением народных этических норм и идеалов. И сказка, и духовный стих с точки зрения рассматриваемой темы встроены в континуум народной веры, где сказочное волшебство и религиозное чудо являются на помощь герою, выполняющему этические установления рода, семьи, социума.

Студентка факультета иностранных языков и регионоведения МГУ М. А. Гусева в сообщении «Отношение к смерти в русской культуре через призму народных сказок» составила на материале собрания А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки» список ключевых слов, выражений и метафор, с помощью которых может быть охарактеризована либо вводится в повествование в качестве действующего лица смерть. Проведенный анализ позволил продемонстрировать отношение рассказчиков к смерти как к закономерному итогу жизненного процесса, завершению главной миссии человека, чему-то повседневному и привычному.

Вопросы эволюции фольклорного песенно-эпического стиля проанализированы в стендовом докладе Т. Г. Ивановой «Типическое место “какого роду племени” в разинской песне “Сынок”» в историко-типологическом плане.

В докладе В. Л. Кляуса «“Инородческий” пиджин в опыте наивной литературы и фольклора» были рассмотрены и проинтерпретированы бурятские, китайские и тунгусские лексические единицы и грамматические конструкции, маркирующие приемы языкового комизма в народных анекдотах и частушках, а также в составе произведений наивной литературы XIX–XX вв. и современном рекламном дискурсе.

Вечером работа конференции проходила в формате двух параллельных секций, тематика которых была непосредственно связана с научными интересами А. В. Кулагиной. Ядро секции «Изучение фольклоризма литературы и современного искусства» составили выступления, посвященные творчеству Андрея Платонова.

В докладе Л. В. Фадеевой «Символы крестьянской веры в рассказе Андрея Платонова “Родина электричества” (1926)» проведен детальный анализ художественного конфликта двух уровней нарративной структуры произведения: поверхностного дистанцированного описания крестного хода погибающей от засухи деревни, увиденного глазами юного инженера-наладчика, и глубинной Божьей символики рассказа, генерируемой платоновским экфрасисом Божьей иконы.

В. Е. Добровольская, анализируя в своем выступлении «Сказки Андрея Платонова: обработка фольклора или фиксация изменений происходящих в народной сказке в начале XX века» технику художественной переработки писателем произведений русского и башкирского фольклора, указала на факты существенной трансформации им фольклорного сказочного канона (добавлены эпизоды и дополнительные сюжетные линии, даны подробные портреты персонажей и психологическая мотивировка их действий). Вместе с тем тенденция к психологизму свойственна и значительному числу сказочников XX в., активно стремившихся к индивидуализации содержания и стиля рассказываемой сказки.

Доклад Е. П. Кузнецовой «“Финист ясный сокол” А. Платонова: на стыке фольклора и литературы» был посвящен проблеме адаптации писателем фольклорного сюжета «Перышко Финиста ясна сокола», известного ему в двух вариантах по сборнику А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки». Сопоставительный анализ народной и литературной сказки проведен с опорой на выявленные ранее стратегии переработки Платоновым фольклорных источников.

Л. Н. Некрасова в докладе «Трансформация ольфакторного кода народной культуры в прозе Андрея Платонова» констатирует особую значимость запахов в маркировании оппозиций свой/чужой,

живой/мертвый, праведный/греховный в разных жанрах фольклора. В пословицах, сказках и легендах упоминаются запахи сена, цветов, человеческого пота, «греховный смрад» и «русский дух». В текстах Андрея Платонова народные представления о запахах трансформируются. В художественном мире писателя есть особые запахи пространства, мужские и женские запахи. Единицы ольфакторного кода в прозе Платонова являются не только средством описания мира, но и знаком единения человека с природой, а также нитью, ведущей к воспоминаниям героев.

И. Н. Райкова и Е. А. Песелис в докладе «Мотив сна в лирике Аполлона Григорьева и фольклорная традиция» проследили фольклорные корни сновидческих мотивов поэзии первого «барда» отечественной традиции и автора ряда прототекстов народных романсов («Цыганская венгерка», «Две гитары»). От изображения сна как психосоматического состояния дремы-лености поэт эволюционирует к концепту покоя — отрешенности от повседневной суеты и далее к духовно-нравственному понятию дремлющих жизненных сил (узко — применительно к народной песне и шире — в отношении к судьбе всего народа). Календарно-мифологические и эпико-героические слои образности сна — выжидания момента пробуждения, обретения жизненного предназначения, — в свою очередь, ассоциированы у поэта с архетипическими символами воли и простора — морем и полем. Обратной стороной безвольного сна оказываются для поэта метания больной, кручинной бессонницы.

В докладе П. Б. Мироновой, аспиранта кафедры фольклора МГУ, «Польская народная культура в рассказе “На Масленицу” (1892) М. Конопницкой» проанализированы описания народных костюмов, характерных для различных этнографических регионов Польши, включенные в ткань повествования в связи с шляхетским масленичным обычаем ряжения в крестьян. В контексте художественного произведения детали народного костюма трансформируются и меняют свои функции. В частности, семантическая оппозиция свой/чужой обретает в рассказе Конопницкой особое звучание, поскольку он был создан в период, когда Польши не

существовало на карте, и большое значение придавалось собиранию фольклора и сохранению национальной культуры.

А. Г. Шешкен посвятила свой доклад «Современная литературная сказка в славянских литературах» вопросам рецепции южнославянской волшебной сказки в произведениях писателей XX в. Доброслава Хробака «Дракон возвращается» (1943), Горана Стефановского «Яне-Баламут» (1974), Влады Урошевича «Невеста змея» (2009). На материале традиционного сюжета о похищении девушки драконом удастся проследить трансформации архетипических образов в контексте актуальных социально-политических и духовно-нравственных конфликтов, а также жанрово-стилистических экспериментов драматургии абсурда и литературы постмодернизма.

С. А. Лагранская в докладе «Календарные обряды и праздники в хорватской наивной живописи» проследила традиции изображения календарных праздников западных славян — как архаических ритуалов, так и современных, динамично развивающихся семейных обрядов — в истории уникального художественного феномена «хлебинской школы». Образы крестьян и животных в картинах хорватских мастеров тесно переплетены с обрядовой символикой, так как их мироощущение неразрывно связано с культурными традициями народного творчества. В сознании наивных художников границы стилей размыты, поэтому в их произведениях народное начало органично сплетается с приемами профессиональной живописи.

В рамках секции «Поэтика фольклорных жанров» прозвучали доклады, посвященные актуальным вопросам исследования структуры и функций традиционных фольклорных поэтических форм.

В докладе А. А. Родионовой «Средокрестные песни Верхнего Поволжья: к семантике образов» на материале аутентичных записей из Костромской, Нижегородской и Вологодской областей были проанализированы регионально специфичные варианты обрядов и песен обхода дворов, сохраняющие вместе с тем очевидную связь с топикой колядных, вьюнишных, волочебных и егорьевских песен.

Аспирант кафедры фольклора МГУ М. С. Бородавченко в сообщении «Свя-

точный обход дворов Вологодской области: истоки и современное состояние» рассматривала христославение как церковную версию новогоднего обряда, введенную с целью вытеснения языческого обряда колядования. Современная восстановленная версия обряда анализируется по данным полевых фиксаций в Ньюсенском районе Вологодской области.

Студентка филологического факультета Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева Д.М. Агапова в сообщении «Мужские типы в русском жестоком романсе» предприняла попытку проследить процесс становления и эволюции героя в балладном жанре: от мифологической баллады к новой, а от нее к жестокому романсу. По наблюдениям докладчика, на смену ранним образам мужчин-губителей, «домашних тиранов», приходят образы удалого «добра молодца», а затем и вовсе идеализированные образы офицера или «служивого».

Э.Г. Рахимова в докладе «Художественные уподобления при описании эмоций в рунах калевальской метрики» констатирует, что описание переживаний и эмоциональных состояний встречается не только в необрядовой лирике и балладах семейно-бытовой тематики, но и в героико-мифологических рунах, сюжетно близких

к проблематике баллады. При их описании используются сравнительные уподобления, которые, в свою очередь, подразделяются на сравнения со сравнительным союзом (“*miun mieli kuin metoini*” — «моя душа как мед»), включая подвид с компаративом качественного прилагательного или наречия (“*kattila tulella musta, muamo muuttui mustemmaksi*” — «котел на огне черен, мама превратилась того чернее») и слитные метафорические уподобления с падежом состояния эссивом (“*tuli tuulena turahan*” — «ворвался в избу ветром»). Образы сравнения-сопоставления относятся к нескольким лексико-семантическим группам от зоо- и орнитофауны и флоры, ландшафтных объектов и погодных стихий до бытовой утвари и продуктов питания.

Насыщенную интересными докладами и яркими дискуссиями работу конференции завершил памятный вечер, на котором с воспоминаниями о своих встречах и сотрудничестве с Аллой Васильевной Кулагиной на ниве фольклористики выступили ее многочисленные коллеги и ученики.

С. В. Алтатов,

*доктор филологических наук,
доцент Московского государственного
университета им. М. В. Ломоносова*